

О. А. Светлова

ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ЖИТИИ И КАНОНЕ СВЯТИТЕЛЮ ПАВЛУ КОЛОМЕНСКОМУ

В статье рассматриваются историко-героические мотивы в житии и каноне святому Русской православной старообрядческой церкви, епископу Павлу Коломенскому. Тексты новосоставленной службы и жития отражают исторические события раскола русской церкви в XVII в. В центре агиографического богослужения – образ мученика, защитника и исповедника истинной веры, от священного подвига которого зависела судьба гонимой Церкви.

Ключевые слова: раскол русской церкви, старообрядчество, Павел Коломенский, святой, житие, богослужение, канон, историко-героические мотивы.

О. А. Svetlova

THE HISTORIC AND HEROIC MOTIVES IN THE LIFE AND CHURCH CANON TO ST. PAUL, KOLOMNA BISHOP

This article is devoted to historic and heroic motives in the life and church canon to St. Paul, Kolomna Bishop of the Russian Orthodox Old Believers' Church. The texts of the new written service and life reflect the history of the Division of the Russian Church in the XVIIth century. The center of hagiographic service is the image of the martyr, defender and confessor of the true religion. The fate of the persecuted Church depended on holy deed of the saint.

Keywords: Division of the Russian Church, Old Believers, St. Paul Kolomna, saint, life, church service, canon, historic and heroic motives.

Древнерусской православной культуре свойственно особое отражение времени. Оно неразрывно связано с аспектом «вечности», главным воплощением которой является Священная история. В Ветхозаветных и Новозаветных событиях обнаруживается вневременной непреходящий смысл, тем самым стираются грани между прошлым и настоящим: все действует в одновременном историческом пространстве. Средневековый историзм объединяет представления

о движении-развитии исторических событий и их неизменной вечной сущности. В таком специфическом понимании происходит своего рода перевод длящегося времени в пространство: «Пространство – своеобразное восприятие вечности. Время закреплялось в пространственных формах. Подвижное становилось неподвижным» [8, с. 56].

Понимание мира как исторического пространства соединено со средневековым антропоцентристским видением человека

в этом мире. Личность, включенная в контекст Священной истории, становится, с одной стороны, выражением ее событийной динамичности, а с другой – подтверждением вечной вневременной сущности. Этот принцип объединения истории и ее «героя» характерен для всех взаимосвязанных между собой агиографических жанров, в качестве центрального объекта которых выступает святой – этический и эстетический идеал средневековой культуры. Открытие в эпоху Средневековья эмоционально-нравственной стороны личности человека связано с появлением историчности сознания. Поэтому изображение идеального человека в историческом пространстве базировалось на реально присущих ему чертах и реальных фактах его биографии. Как отмечал Д. С. Лихачев, средневековой культуре чужд вымысел. Следовательно, идеализация была связана в большей степени с реально-историческим, а не отстраненным пониманием действительности [10]. Святой как реальный человек, находившийся в действительном историческом прошлом, в то же время выступает как идеальная личность, несущая в себе Божественное начало, а его жизненное поведение служит образцом для подражания. Находящийся между земным и Божественным, святой становится частью Священной истории, что в «свернутом» символическом виде и отражают агиографические жанры каждого из видов искусств.

События Священной истории символически воспроизводятся в богослужении. Всенощная представляет собой преимущественно историческую часть, отражающую Ветхозаветные и Новозаветные времена. История человечества от сотворения мира до пришествия Спасителя репрезентируется в вечерне, Евангельские события – в утрени. Сюжетно-смысловое развитие Всенощной представляет собой историю Спасения мира Богочеловеком. В специально составленной

службе образ святого не является отдельным объектом поклонения, а «погружается» в общий священно-исторический контекст. Праздничные гимнографические тексты – песни канона, тропарь, кондак, икос, стихиры, седален, светилен, причастен, величание, отпуст, анфиладно «встраиваются» в общую структуру рядового или воскресного богослужения и получают агиографическую направленность. В первую очередь составляется канон святому, который в сюжетно-смысловом и функциональном отношении аналогичен житию.

Житие (сказание, повесть о святом) представляет собой самостоятельное произведение, в котором, согласно В. О. Ключевскому, функционируют два основных элемента – собственно литературный и исторический [6]. Так же, как богослужебный канон композиционно составляет раздел утрени, так и житие является частью более крупных жанров, рисующих общую историческую панораму, например, Киево-Печерского патерика или Степенной книги – «путеводителю» по истории Руси [3]. В свое время Д. С. Лихачевым была выдвинута концепция о возникновении жанра летописи именно на основе сборника житий первых русских святых [9]. Таким образом, восприятие Божественного образа святого становится неразрывно связанным с обозрением и реально-исторического контекста летописи, и Священно-исторического пространства богослужения. Человек находится в окружении событий, тем самым ощущает свою значимость в этом историческом процессе.

Разработанная Д. С. Лихачевым идея о реально-историческом плане древнерусской литературы закономерно находит отражение во многих современных исследованиях старообрядческих памятников, например, диссертациях О. Н. Бахтиной [1], Е. М. Юхименко [11]. Это обусловлено тем, что в настоящее время старообрядчество является

единственной средой, сохранившей тип средневековой культуры с ее религиозным каноническим и зависимым от него бытовым укладом, иерархичным совокупным порядком бытия, спецификой исторического сознания. Современное старообрядчество представляется уникальным феноменом, канонической культурной системой, прямым наследником традиций Древней Руси, находящимся при этом в непрерывном процессе развития, благодаря своим имманентным законам. История русской старообрядческой церкви как неотъемлемая часть общероссийской истории, насчитывает вот уже более трехсот лет. Судьбы и деяния ее подвижников запечатлены в литературных памятниках – «Ответах» и «Посланиях», повестях и сказаниях, житиях и жизнеописаниях, в гимнографии, иконописи. Даже в условиях гонений и невозможности официального причисления к лику святых, с первых трагических лет после церковной реформы началось народное почитание защитников истинной веры. Уже в 70-х годах XVII в. тайно велись служения в их память, появились первые тексты старообрядческих житий – автоагиографическое произведение протопопа Аввакума (1672–1676), Повесть о боярыне Морозовой (между 1675 и 1677 гг.), составлялись каноны и житийные рассказы о других новых страдальцах.

Первым мучеником «за предание святоотеческое и древнее благочестие церковное» стал епископ Павел Коломенский (память 3 апреля ст. ст.) – единственный из иерархов Русской православной церкви, принявший во время раскола сторону старообрядцев, равновелико почитающийся и в поповском, и в беспоповском старообрядчестве. О нем писали протопоп Аввакум и диакон Феодор, имя епископа упоминается в житиях других старообрядческих святых, описание жизни и мученического подвига содержится в знаменитом памятнике первой половины XVIII в. «Виноград Российский» Семе-

на Денисова, сохранилось также «Сказание о страдании и скончании священномученика Павла, епископа Коломенского». Но только после дарования староверам свободы в 1905 г. началось активное изучение исторических и агиографических материалов о знаменитых русских подвижниках XVII в. В 1905 г. были опубликованы Сказания о Павле Коломенском [4], в 1911 г. в журнале «Церковь» помещена служба святителю. По свидетельству старообрядцев, примерно в те же годы была машинописным способом напечатана тетрадь, содержащая многие службы и жития святых, пострадавших за правое верие в XVII в., в том числе и епископа Павла, а творцом (или собирателем) этой тетради считается старообрядческий духовный писатель и апологет, преосвященный Иннокентий (Усов), епископ Нижегородский и Костромской, впоследствии митрополит Белокриницкий (1879–1944). В 1913 г. постановлением нижегородско-костромского епархиального съезда старообрядцев Белокриницкой иерархии было положено поминать епископа Павла в молитвах как священномученика. Почти через сто лет, к 350-летию епископской хиротонии (1652–2002), старообрядческим историком Дмитрием Александровичем Урушевым подготовлено «Сказание о житии и страдании святого священномученика и исповедника Павла, епископа Коломенского» (встречается сокращенное название «Житие»), составленное на основании всех вышеизложенных источников, с уточнением целого ряда биографических фактов. Данное житие и канон святителю стали основным объектом исследования¹¹ [5].

Житие святителя Павла содержит массу дат и подробных сведений, выстроенных, в целом, согласно линейной логике пове-

¹¹ Вопрос о соотношении службы и жития святителю Павлу Коломенскому был впервые поставлен известным исследователем старообрядческой культуры Н. Г. Денисовым [2].

ствования, за исключением раздела о чудесном явлении святого еще при его жизни¹². Воплощение исторического содержания в богослужебном каноне существенно отличается от жития отсутствием хронологии. В текстах кратких песнопений и молитвословий не допускается упоминание дат и историко-географических описаний, в том числе информации «о зачале жития» святого. Здесь, на первый взгляд, все исторически «абстрагировано», но эта универсальная абстрагированность позволяет сосредоточиться на самых важных, судьбоносных эпизодах русской истории, благодаря возникающим между песнями канона и житием текстовым параллелям. Взаимодополняя друг друга, эти тексты в совокупности формируют историко-политический, культурный, духовный контекст Руси XVII в.

Агиограф излагает: «Родился святой Павел в Нижегородском краю во дни царя и великого князя Бориса Феодоровича Годунова, при святейшем Иове, первом патриархе Московском и всея Руси». Несмотря на то, что «более точное время и место рождения будущего святителя неведомы нам», грамотный читатель погружается в исторические реалии предсмутной Руси. Важно смысловое акцентирование на *первом* русском патриархе, по сравнению с которым Никон станет последним патриархом, завершившим огромный исторический период существования единой русской церкви, Павел же – первым мучеником старообрядческой церкви.

¹² Сказание о житии епископа Павла включает традиционные для агиографического жанра разделы: вступление; «О зачале жития его» – от рождения до возведения на кафедру патриарха Никона 25 июля 1652 г.; «О святительствеблаженного Павла» – период егоепископства на коломенской и каширской кафедре; «О исповедничестве и мученичестве святого Павла» – события с 1653 по 1656 гг.; «О кончине святого» – апрель 1656 г.; «О явлении святого» в 1654 г.; заключение.

Попытка уточнения даты рождения в тексте усиливает значительность происходящих событий: здесь же даются годы рождения двух будущих вершителей русской истории – священномученика и исповедника Аввакума (1620) и патриарха Никона (1605). Так через эти знаковые образы экспонируются две основные линии исторического развития русского православия в его самый трагический период. Данное противопоставление становится ведущим идейным мотивом, конфликтным мотивом, «обрастаемым» множеством дополнительной информации, исторических параллелей, смысловых подтекстов.

«Линия» Павла связывает между собой судьбы отдельных героев – защитников древлеправославной веры. Перед читателем жития проходит целый ряд деятелей церковной истории времен раскола, одни из которых лишь упоминаются, описанию других посвящены абзацы. Так мы знакомимся с иереем Иоанном Нероновым – строгим ревнителем благочестия церковного, будущим настоятелем Московского Казанского собора и другом епископа Павла, иноком Авраамием – возобновителем Макарьево-Желтоводского Троицкого монастыря, игуменом Иларионом, ставшим затем архиепископом рязанским, архиепископом Тобольским и Сибирским Симеоном, св. владыкой Рафаилом Коломенским, членами Кружка ревнителей благочестия – протопопами Аввакумом, Стефаном Вонифатьевым, Даниилом Костромским, с «двенадцатью мужами духовными», выдвинутыми в 1652 г. для избрания на святительский престол, и многими другими.

В великолепные, с множеством эпитетов описания географических мест, древних церквей и монастырей, сосредоточенные в первой половине жития, «вплетаются» знаковые в агиобиографии св. Павла даты. 1636 г. – назначение инока «на ответственную службу казначейскую» в «славной обители на Желтых водах», рукоположение в иереи,

1651 г. – возведение «на почетную должность игумена знаменитого Пафнутьево-Боровского монастыря». 17 октября 1652 г. св. Павел был рукоположен в епископы в епархию Коломенскую, считавшуюся «одной из старейших и славнейших в России», поэтому в житии целые страницы отведены на обрисовку коломенского кремля, взятую из книги греческого путешественника, архидиакона Павла Алеппского, посетившего Россию в 1654–56 гг. Такое переключение внимания читателя с жизнеописания святого на зримую, ярко рисуемую в воображении архитектурно-ландшафтную картину неслучайно. Знающий историю старообрядчества понимает, что величественный коломенский собор уже в конце XVII в. будет разобран, а «соратники» епископа Павла («триста стрельцов», «священники, дьяконы, монахи, чтецы», «более ста человек») погибнут в последующие годы. Здесь житие внезапно модулирует в иную образно-смысловую плоскость: «И такое *богатство, благолепие* кафедрального собора, *благоустроенность* архиерейским хором, *многолюдство* челяди и свиты, *сокровища* епископской ризницы, весь *почет* и *слава* мира суетного не прельстили святого Павла, пожелавшего лучше *мученически погибнуть*, чем пожить, хотя и в роскоши, но в несогласии с новолюбцами и в несогласии с совестью своею!» Этот раздел можно считать переломным, поскольку агиограф довольно четко подводит черту в описании всего древнерусского благолепия и переключает нас на трагические события раскольных лет, когда практически в одиночасие (относительно единого исторического пространства) была разрушена вся духовная и культурная система многовековых традиций.

С данного момента в житии начинается вторая линия – «антигероя» Никона, для которой автор избирает иные литературно-художественные приемы. Сообразно исторической правдивости и ка-

нону житийного повествования, в первой половине всей композиции текста автор ни разу не использовал обвинительные характеристики. Линия Никона формируется постепенно, поначалу ограничивается лишь мелкими, но весьма значимыми деталями. При первом появлении имени Никона ярко контрастируют горько-ироничные фразы «у *бедного крестьянина-мордвина* Мины родился сын Никита, будущий “*великий государь*”». Сложно торжественным оттенком выписано возведение Никона на кафедру. На приближение роковых событий раскола настороженно намекает Смутное время, упоминавшееся дважды в начале жития. В описании древнего Желтоводинского монастыря дается краткая историко-географическая справка о том, что обитель находится в месте, где впадает в Волгу река *Керженец*, в 1439 г. она была *уничтожена татарами*, что явно приводит к мысленной аналогии о будущем уничтожении керженских поселений, старообрядческих монастырей.

Постепенное идейное «разведение» в житии двух линий – Павла и Никона – с прямым их столкновением отражает реальную историю противостояния защитников «святоотеческой старины» и «никоновых новин» с трагическими последствиями для всей России. Во второй части жития автор приводит минимум точных дат: 1653 г. – начало реформ, 1654 г. – Собор, отменяющий «русские церковные чины, несогласные с тогдашними греческими» и ссылка св. Павла в палеостровский монастырь, 1656 г. – тайный перевод святителя в новгородский Хутынский монастырь, 7164 г. от сотворения мира (1656) – его «мученическая кончина». Теперь реальное время (трехлетний период) при переводе в художественный хронотоп замедляется, приостанавливается, историческое пространство расширяется (в связи с упоминанием времен *от сотворения мира*), текст концентрируется на

деяниях, поступках, мыслях святого с подробнейшим изложением конкретной обстановки, действий, цитированием высказываний и диалогов.

По сравнению с житием, в богослужебном каноне выпущены все упомянутые даты, красочные описания, имена сподвижников св. Павла. Здесь все сосредоточено только на самом расколе и его последствиях, что соответствует второй половине текста жития. Епископ Павел предстает читателю и прихожанину согласно «законам поведения того разряда героев, к которому он (герой) принадлежит» [7, с. 18], в соответствии с чем формулируются историко-героические агиографические мотивы. Один из наиболее важных для старообрядчества мотив исповедничества, строгого и ревностного «держания» св. Павлом веры подчеркивается в тексте об историческом выходе указа («памяти») Никона: в житии – «Святитель, препоясав ум крепостью своею и поострив сердце свое мужеством, исполнился Святого Духа и восхотел исповедать Христа и отеческое Православие», в третьей песне канона – «благими нравы светяся, исполнился еси премудрости и силы духовныя».

На Соборе 1654 г. епископ «с *дивным дерзновением* вступился за древнее церковное благочестие», «отважился встать и произнести речь» (ее фрагмент приведен в житии), «выражать собственное суждение, несогласное с мнением патриарха», и при этом приводил «в защиту своего мнения веские доводы». Мысль о *дивном дерзновении*, присутствующая в житии, намеренно акцентируется уже в самой первой песне канона – «*дерзнул еси обличити* коварства отступник» и далее дублируется «на расстоянии» во втором стихе песни 5 с конкретизацией «яко на собори *един дерзнул еси обличити* злокозненное умышление, не страшяся мук и смерти» и в первом стихе песни 7 «*дерзновенно сопротивляющагося* искомужению предании апостольских». Муже-

ственное противостояние св. Павла очерчивается лаконичными точными штрихами: «обличивыи прелесть» (тропарь), «явил еси неборимое ограждение Церкви» (песнь 3, стих 1).

Другой мотив жития раскрывает епископа как «пастыря доброго», «с радостью и любовью» принимавшего приходящих паломников, к которому «стекалось множество христиан, как мирян, так и священников, желающих получить от исповедника благословение архипастырское, совет или слово утешительное». В каноне Павел назван «великим заступником и утешителем» (седален), который «Единство Троицы проповедал еси, ей же служаше верою и любовью» (песнь 4, стих 1), и «положил еси душу свою за овцы своя» (песнь 6, на Слава). Мотив проповедничества святого тесно связан с мотивом великого подвига юродства, который взял на себя епископ Павел специально для возможности «проповедовать верность древнему Православию и призывать людей к крепкому стоянию за веру старую, прикрываясь “буйством проповеди”», но он фигурирует лишь в житии и опущен в каноне.

В житийном сказании обнаруживаются другие сюжетно-смысловые мотивы, отсутствующие в каноне – чудесных явлений святого, Кары Господней. Это говорит о том, что для богослужебного жанра важна концентрация иных мотивов, прежде всего, – мученического. Подобно житиям о первых мучениках христианской церкви и древнерусской церкви, старообрядческие авторы в своих агиографических текстах значительное внимание уделяют сведениям о мучениях и страданиях святых. Мученический мотив является доминирующим, сквозным и в каноне, и в житии, маркирующим священномученический тип текстов (во вступлении Сказания и запеве канона), представляющим епископа Павла как «начальника славного *страдальческого* воинства и *страстотерпческого* полка»

(вступление), «скончавыися, яко мученик и исповедник» (песнь 9 канона). Житие последовательно охватывает все этапы пути мученика: «заточили в темницу», «лишили сана», «отправили в ссылку», «истязали», «всячески мучили», «схватив его, как волки кроткую овцу, предали пыткам лютым, а посем убили» и сожгли в срубе. Все они фигурируют и в каноне: «изгнашатя в заточение» (песнь 1, стих 2), «претерпел еси горькое заточение, беззаконно лишен престола святительскаго» (песнь 6, стих 1), «ея (веры) же ради пострадал еси» (кондак), «не устраши тебе прещение муками и смертию» (песнь 7, стих 1). Усиление чувственно-эмоционального ряда достигается с помощью перечислений, использования смысловых синонимов, трехкратных отрицаний, например, в житии: патриарх – «*дьявол, завистник и лукавый противник рода праведных*», «приставил к узнику стража *немилостивого, злонаванного и бесчеловечного*», «сколь многие *наглости и гаждения* ему (Павлу) творили», «когда же убивали Павла, *молился он и говорил... и восклицал громким гласом...*», в каноне: «не бояся *ни уз, ни темницы, ни смерти*» (песнь 6, стих 2), «*ни биение бо, ни раны, ни смерть* во огни не возмогоша поколебатия» (песнь 7, стих 2). Обратим внимание на изложение в трех песнях канона кончины святителя. Уже в первой песне (как свершившийся исторический факт) говорится о том, что «исповедниче *жив сожжен* был еси». Составитель явно ориентировался на свидетельства протопопа Аввакума и других старообрядцев о сожжении мученика. Песнь 3 уточняет: «не убоялся еси *убивающих тело*, и по *кончине огненной* взыде на небеса», песнь 7 замыкает мысль о смерти «во огни».

Показателен момент жестокого избияния святителя Павла «исполненным гнева и духа сатанина», «лютым зверем» Никоном. Житийный текст изобличения патриарха, который «сорвал с него мантию иноческую и начал своими руками бить без милости

по ланитам» и «бил, пока сам не изнемог», представляет собой типичный словесный орнамент с тремя рядами параллельных конструкций: «Не усрамился святительскаго великаго чина, не устыдился святости честных седин мужа, не убоялся апостольских правил, извергающих таких дерзких преступников!» Потрясает и умиляет простота изложения ответной реакции мученика: «упал на землю, как мертвый, но, придя в себя, поднялся, бившему благодарение воздал и стоял молча». В богослужебных текстах этот подвиг концентрируется в тропаре: «избиенный Никоном неистовым» и иконе: «кротко претерпел еси яко агнец мучение от духовнаго волка, облеченнаго пастьырскою одеждою, иже не терпя твоея ревности о вере святых, терзашетя на соборище, и сорва с тебе мантию святую, изгнатя в заточение». Завершение исторического противостояния Павла и Никона, своего рода закономерный итог двух сюжетно-смысловых линий осуществляется в последней песне канона, где упоминается низложение и суд патриарха на Соборах 1666–1667 гг.: «Изгнавый тя неправедне с престола святительскаго, бежа с престола своего, никим же гоним, токмо Божиим изволением, и праведно лишен бысть сана и чести, тебе же прослави Господь яко священномученика».

В текстах не случайно фигурирует мысль о том, что св. Павел «богоугодне пожив, и *законне пострадав*» (песнь 3), «*должен был жестоко поплатиться за ревность свою по Бозе*» (житие). Святитель «прославлял Бога за то, что сподобился в ссылке и в тюрьме пострадать, *как христианин*, исповедуя древнее благочестие». Мученическая жизнь за Христа была реальной, истинной жизнью для «героя» событий XVII в. Стремление следовать апостольским заветам сосредоточено в агиографии и гимнографии св. Павла в соответствии с идеей «обожения». Поэтому старообрядческий *первомученик* неодно-

кратно уподобляется *первоверховному* апостолу: в 6 и 9 песнях канона – «апостольски последовал еси Христу», «тезоименит сии верховному апостолу, подражал еси ему и твердою верою и страдании за слово Божие», также в житии – «святитель, тезоименитый верховному апостолу», «именем и ревностью согласный великому апостолу Павлу», «вкупе с апостолом Павлом восклицал», говорил «по слову апостольскому “мы безумны ради Христа” (1Кор. 4, 10)» и «повел жизнь равноапостольную». Кроме того, святитель в его мученической кончине уподобляется другим святым древней Церкви – мученику Поликарпу, епископу Смирнскому, мощи которого были сожжены «древле язычники безбожные», и пророку «Илии ревнителю» (песнь 4, на Слава), вознесемуся «ко Господу на огненной колеснице и конях огненных». Так же и «взят был великий Павел пламенем костра и вихрем на небо к Престолу славы Господней».

Имя святого в Сказании сопровождается образными эпитетами «чудный», «блаженный», «Божественный». Вместе с читателем агиограф *удивляется* тому, как сочувственно назвал святителя «Божественным страдальцем» даже непримиримый враг древлего Православия митрополит Питирим Крутицкий! Автор канона обращается ко всем прихожанам «кто не *удивится* твоему смирению и мужеству славнее» (песнь 5). За «величие мученичества блаженного Павла и безукоризненное от самого начала житие его» св. Павел «праведнее пожив от неправеднаго умерщвлен, сподобился еси воздаяния от праведнаго Судии» (песнь 4, стих 2), «увенчан он Господа венцом славы и получил награду вечную» (житие). Не случайно окончание жития и начало канона (песнь 1) сюжетно связываются днем кончины епископа Павла – Великий четверток, с упоминанием события Тайной вечери Спасителя: как «Христос соверши безкровную жертву», так и исповедник явил собой «жертву бого-

приятную». Таким образом, раскрывается надысторический смысл происходящего в надысторическом времени – вечная борьба со злом, отстаивание правды, защита «преданий святоотеческих», святости истинно православной церкви, и священный подвиг епископа Павла – подвиг перед Христом, мастерски изложенный агиографом и гимнографом по древнерусским канонам.

В этой связи следует отметить еще одну особенность жития, а именно анфиладное «встраивание» и цитирование фрагментов иных текстов – Священного Писания, Жития Аввакума, Повести о боярыне Морозовой, посланий Аввакума и диакона Феодора, свидетельства Иоанна Неронова о гласе от образа Спасова, книг Павла Алеппского и Н. Ф. Каптерева «Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович», «Исторического исследования дела патриарха Никона», в совокупности придающих данному повествованию историческую достоверность, художественную яркость и вполне прочитаемый оценочный смысл. Но ключевым моментом всех старообрядческих житий являются слова святого – ответ на принуждение принять нововведения или призыв-поучение к христианам, не всегда цитируемые в текстах службы, где отсутствует прямая речь «героя». В центральном, самом объемном разделе Сказания помещено назидание паломникам, завет епископа Павла: «Возлюбленные мои братия и чада о Господе! Стойте во благочестии и держитесь предания святых апостол и святых отец, а догматов новых, внесенных в Церковь от Никона и учеников его, не приемлите...». Текст представляет кульминационное нравоучение, аналогичное 4 песне канона: «уча не отступати от правыя веры», благодаря чему происходит выход за пределы исторической конкретики в «надысторическое» пространство. Это обращение к каждому читающему и присутствующему на службе в конкретный настоящий, пре-

ходящий, «временной» момент, происходящий в постоянно длящемся, непреходящем, «вечном» Священно-историческом пространстве. Именно поэтому в каноне, в отличие от жития, сосредоточено настоящее время – «ныне молися», «ныне торжествует со святыми», празднующая светлую память святителя паства – «нам християном», «о нас молися», «прославляем подвиги твоя», «любовию почитаем тя», «нам чтущим тя любовию», и обращение к святому – «ты», «тя», «тебя» с просьбой «избави и спаси нас». Святой выступает здесь в своей главной роли «наставника и учителя» (кондак), предстоятеля «престолу славы Божия со святители и мученики» (песнь 6), посредника между «горним» и «дольним» мирами.

Итак, в житии и каноне старообрядческому святителю Павлу Коломенскому

на анфиладном выстраивании различных пространственно-временных координат образуется особый агиографический хронотоп. Агиографические тексты описывают реальные эпизоды жизни, деяний, чудес святого, происходящие события в конкретный временной промежуток. Реально-исторический, «временной» уровень (но не «прошлое») в каноне, по сравнению с житием, получает абстрагированное воплощение. В богослужбном контексте постоянно воспроизводится Священно-историческое пространство, в котором «сияет славою» святой. И наконец, в надысторическом хронотопе стираются пространственно-временные границы, все происходит «и ныне, и присно, и во веки веком». Так образуется вечный канонический сюжет вечной истории Спасения.

Литература

1. Бахтина О. Н. Проблемы поэтики старообрядческой литературы (агиографические тексты): дис. ... д-ра филол. наук. – Томск, 2000. – 422 с.
2. Денисов Н. Г. Служба старообрядческому святому – епископу Павлу Коломенскому // Музыкальная культура Средневековья: сб. науч. тр.: тез. и докл. конф. / сост. Т. Ф. Владышевская; ЦМиАР, МГК, ВООПИК. – М., 1992 [1991]. – Вып. 2. – С. 33–39.
3. Дмитриев Л. А. Литературные судьбы жанра древнерусских житий (Церковно-служебный канон и сюжетное повествование) // Славянские литературы: VII Междунар. съезд славистов. Август, 1973. – Варшава. – М., 1973. – С. 565–568.
4. Еще сказанія о Павлѣ епископѣ Коломенскомѣ († ок. 1655 г.) // Чтенія въ Императорскомѣ обществѣ Исторіи Древностей Россійскихъ при Московскомѣ Университетѣ. 1905 годъ. / издана подъ завѣдываніемъ Е. В. Барсова. – М., 1905. – Кн. 4. (Двѣсти пятнадцатая.) – С. 28–44.
5. Житие святителя Павла Коломенского // Христианское чтение. – Казань, 2002. – Вып. 1. – 36 с.
6. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник / АН СССР. – М., 1988. – 495 с.
7. Лихачев Д. С. Первые семьсот лет русской литературы // Лихачев Д. С. Великое наследие. – М., 1980. – С. 7–32.
8. Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков // Лихачев Д. С. Избр. раб.: в 3 т. – Л., 1987. – Т. 1. – С. 24–260.
9. Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. – М.; Л., 1947. – 499 с.
10. Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси // Лихачев Д. С. Избр. раб.: в 3 т. – Л., 1987. – Т. 3. – С. 3–164.
11. Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: литература и духовная жизнь: дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 1999. – 498 с.